

УДК 902.6

Мезолит как исследовательская традиция.

Часть 1. В поисках идентификации*

Н. Е. Бердникова

Иркутский государственный университет

Аннотация. Рассмотрены проблемы развития понятия «мезолит» и формирования мезолитического направления в отечественных археологических исследованиях. Прослежена их трансформация в рамках общей динамики научной рациональности (эволюционизм, неозволюционизм) и в конкретных выражениях через традиции исследований, которые в отечественной археологии обозначены как стадиализм и конкретно-исторический подход.

Ключевые слова: мезолит, традиции исследования, эволюционизм, неозволюционизм, стадиализм, конкретно-исторический подход.

Введение

Обращение вновь к так называемой мезолитической теме в изучении древних культур Байкальской Сибири связано не столько с потребностью момента в общем исследовательском контексте, сколько с внутренними посылками автора о необходимости осознания «мезолитической» ситуации в некоторой исторической ретроспективе. Она возникла в процессе изучения финальнопалеолитических (позднесартанских) комплексов Байкальской Сибири [Бердникова, 2012; Позднеледниковье и раннее ... , 2005].

Байкальская Сибирь, и прежде всего ее южная часть, Прибайкалье, в традиции исследования древних культур занимает свое определенное место. С той или иной территорией Сибири связаны довольно четко обозначенные археологические стереотипы или мифологемы. Например: Минусинская котловина – это прежде всего культуры бронзового и раннего железного веков; верхняя часть долины Енисея – позднепалеолитические афонтовская и кокоревская культуры; Алтай – ранний палеолит, мустье, начальные этапы позднего палеолита, Homo sapiens altaiensis, пазырыкская культура; Якутия – позднепалеолитическая дюктайская культура и проблемы заселения Америки, ранний палеолит Диринг-Юряха и т. д. Для Байкальской Сибири имеется несколько таких мифологем/стереотипов: позднепалеолитические поселения Мальта и Буреть; многочисленные могильники и связанная с ними «классическая» схема развития культур неолита и бронзового века; относительно новая мифологема средне-неолитического хиатуса (культурного перерыва) как

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 14-46-04136 p_сибир_a.

биосоциокультурного феномена; Шишкинские писаницы¹ и, наконец, прибайкальский мезолит и связанные с ним культуры. Такие мифологемы, с одной стороны, выступают как определенный инструмент моделирования научной действительности [Шишова, 2002, с. 10] в системе интеграции результатов научных исследований для перехода их в знание, с другой стороны, вуалируют содержание и значение иных археологических контентов для этих территорий.

Неоднозначность и полисемантичесность понятия «мифологема» в системе научных, в том числе и археологических, исследований является предметом отдельного рассмотрения. Настоящая статья посвящена только одной из упомянутых мифологем – «сибирскому и прибайкальскому мезолиту». Логика анализа потребовала изучения ее как в контексте общей проблематики мезолита, так и в рамках отечественных мезолитических исследований. Огромный массив информации обусловил разделение такого анализа на отдельные части. Первая часть посвящена рассмотрению развития понятия «мезолит» и формированию мезолитического направления в отечественных археологических исследованиях. Во второй части рассмотрены концепции сибирского и прибайкальского мезолита. В третьей части обсуждается современная «мезолитическая ситуация». Понимая всю многомерность и неоднозначность рассматриваемых проблем, автор не претендует на полноту их охвата, сознавая при этом дискуссионность высказанных суждений и положений.

Некоторые методологические основания

Обсуждение проблем мезолита в настоящей работе проводится с позиций теории традиций исследования Л. Лаудана, в которой соединены концепции парадигм Т. Куна и научно-исследовательских программ И. Лакатоса [Косарева, Али-Заде, 1986; Реале, Антисери, 1997, с. 686–687; Лаудан]. По Л. Лаудану, исследовательская традиция имеет «набор общих положений, относящихся к существованию процессов, представленных в данной области изучения, а также методы, рекомендуемые к использованию для исследования проблем и создания теорий» [Реале, Антисери, 1997, с. 687]. Каждая исследовательская традиция характеризуется своими метаособенностями, имеет определенный набор теоретических построений и в своем развитии проходит довольно длительный путь, в процессе которого идет построение «разнообразных детализирующих (нередко взаимопротиворечащих) формулировок» [Там же, с. 686]. Они меняют свой облик во времени, место в иерархии, аксиологическую значимость. Исследовательские традиции отличает проблемная ориентированность научных изысканий. Поиск, формирование и выбор наиболее предпочтительных исследовательских традиций определяются тем, какая из них наиболее адекватно решает наибольшее количество проблем [Косарева, Али-Заде, 1986; Реале, Антисери, 1997, с. 686–687].

¹ Этот археологический стереотип Прибайкалья определяет один из основных принципов охраны археологического наследия Иркутской области – использование археологических объектов через их музеефикацию, т. е. создание музеев на Мальтинском поселении, ранненеолитическом китойском могильнике Локомотив и на Шишкинских писаницах.

Но выбор и предпочтение тех или иных традиций происходит в русле более крупных философских и метанаучных построений – в рамках общенаучных парадигм [Кун, 2003]. Разделение научной рациональности на классический, неклассический и постнеклассический типы и стадии развития [Проблема научной рациональности ...] соотносится с определенными парадигмами, в рамках которых формируются различные исследовательские традиции как конкретные их выражения для определенных наук, научных сообществ. Классический тип научной рациональности соотносят с эволюционизмом; неклассический тип – с неозволюционизмом, с ранними формами постмодернистских концепций; постнеклассическая стадия характеризуется расцветом постмодернизма и синергетической концепцией. Формирование эволюционизма в классическом его варианте (модерн) связывают с XIX в. Неклассический тип начал формироваться в первой половине XX в. и в конце XX – начале XXI в. оформился в постнеклассический – постмодернистский тип научной рациональности.

В основе эволюционизма находятся градуалистические принципы, которые обуславливали доминирование представлений о постепенности и прогрессивной направленности изменений. Существует единый общий закон развития природы, который определяет прогресс как трансформацию от простейших до высших форм через определенные стадии этого развития. Различают несколько групп эволюционистских концепций [Колчинский, 2002]: 1) катастрофизм (неокатастрофизм); 2) мутационизм; 3) ламаркизм; 4) синтетическая теория эволюции, для выделения которых К. М. Завадский предложил десять признаков. Формирование этих воззрений происходило практически одновременно, только в разные этапы развития эволюционизма преобладала та или иная концепция. В рамках ламаркизма считалось, что эволюционное развитие идет автономно от среды (источником развития являлись эндогенные факторы), непрерывно и постепенно, строго равномерно. Дарвинизм (мутационизм) же предполагает, что изменения (естественный отбор) обуславливаются адаптацией к внешним условиям среды, т. е. источником развития являются экзогенные факторы, приводящие к эндогенным изменениям. При этом в разных условиях среды могут быть разные темпы эволюционного развития, т. е. проявляется неравномерность этого развития. С точки зрения катастрофизма развитие не является постепенным непрерывным процессом. В нем возможны скачки, резкие изменения, революции, обусловленные различными, прежде всего экзогенными, факторами.

Для классической науки характерны редукция, интерес к выявлению общих закономерностей и установлению прямых, жестко обусловленных причинно-следственных связей. Переход к вероятностному видению мира неклассической науки способствовал формированию системных концепций, постмодернистских тенденций, выделению разных эволюционных уровней, повышению интереса к отдельным, даже единичным явлениям. Для постнеклассической науки характерны, с одной стороны, исследования неравновесных саморазвивающихся систем, междисциплинарность с тенденцией перехода в трансдисциплинарность, с другой стороны – повышенное внимание к выявлению уникальности, особенностей, разнообразия, сосуществование различных исследовательских традиций.

Мезолит в системе динамики научной рациональности

Понятие «мезолит» и трансформации его содержания в данном разделе рассмотрены в рамках классического эволюционизма и неоэволюционизма. Постнеклассическая современная ситуация этой проблемы будет проанализирована в дальнейшем.

В исследованиях человеческого общества с легкой руки Г. Спенсера в классический период эволюционизма господствовала теория непрерывной культурной эволюции [Добролюбская, 2002], аналогичная теории биологической эволюции в ламаркистском варианте, в рамках которой развитие человеческих сообществ рассматривалось как однолинейный процесс от простого к сложному [Лебедев, 1992, с. 117–125]. Все социокультурные сообщества проходили одинаковый путь, и такое развитие рассматривалось в рамках бинарной оппозиции прогресс – регресс. Основным методом исследования археологии классического (модернистского) периода стал эволюционный типологический метод, применение которого позволяло проследить непрерывные эволюционные изменения материальной культуры, которые происходили, как и в биологии, «путем целесообразного отбора в процессе общественно-производственной жизни тех или иных социальных организмов прошлого» [Добролюбская, 2002], т. е. в результате эндогенных причин.

Мезолит как закономерный этап в рамках классической эволюционистской схемы археологической периодизации был выделен несколько позже, чем палеолит и неолит. Существуют разные точки зрения на то, когда и кем был выделен мезолит. Почти сразу же после разделения Леббоком в 1865 г. каменного века на палеолит и неолит, в 1866 г. ирландцем Уэстропом был выделен мезолит [Клейн, 2000]. Или же это шведский ученый Торрел в конце 1870-х гг. назвал эпоху перехода от палеолита к неолиту мезолитом, или средним каменным веком [Монгайт, 1973, с. 172]? Или М. Ребу в 1873 г. предложил назвать переходный период от палеолита к неолиту мезолитом [О мезолите ... , 2000, с. 70]? Или это сделал А. Карлайл в конце 1870-х гг. [Лынша, 1980], или Аллан Броун в 1893 г. [Археология СССР. Мезолит ... , 1989, с. 5]? Или Г. Мортилье выделил тарденуазскую эпоху как переходную от палеолита к неолиту [Лебедев, 1992, с. 115]?

Независимо от времени определения понятия «мезолит», внутри эволюционистской археологической периодизации он выступал как один из равноценных этапов развития древних культур, который, с одной стороны, заполнил хиатус между палеолитом и неолитом, с другой стороны, явился промежуточным, переходным этапом в развитии древних культур [Ефименко, 1938; Клейн, 2000; Binford, 1968]. Он отличался от предыдущих и последующих прежде всего артефактуальным набором; наиболее характерным являлось наличие геометрических микролитов, а также наконечников стрел, костяных гарпунов, появление которых обусловлено переменами в системе хозяйствования, связанными с климатическими изменениями.

Общая ситуация развития научной рациональности, прежде всего в области точных и естественных наук, в которых переход к неклассическим ис-

следовательским традициям произошел в первой половине XX в., и проблемность в объяснении расширяющейся фактуальной базы в области изучения человеческих сообществ с точки зрения классического эволюционизма привели к формированию неэволюционистских концепций как в культурологии, культурной антропологии, так и в археологии. Их бурное появление после Второй мировой войны было связано прежде всего с именами Л. Уайта и Д. Стюарта, немаловажное влияние на которых оказали концепции В. Г. Чайлда [Лынша, 2001; Теория и методология ... , 2014, с. 90–106]. В рамках этих построений культура определялась как способ адаптации к окружающей среде, а ее эволюция является многолинейной и обусловлена скачками или революциями.

В археологию неэволюционистские концепции были введены Л. Бинфордом, когда он опубликовал свою статью «Археология как антропология» [Binford, 1962], которая положила начало «новой археологии» [Клейн, 2009]. Ее развитие в мировой археологической практике сформировало многомерное исследовательское поле в изучении древних культур голоцена (в российской вариации – культур мезолита и неолита), которое определяется как исследования охотников-собирателей (Hunter-Gatherers or forager Society). Определенной точкой отсчета в исследованиях охотников-собирателей можно считать симпозиум «Man the Hunter», проведенный в 1966 г. в Чикаго. Он имел культурно-антропологическую направленность и был посвящен оценке этнографических исследований традиционных культур охотников-собирателей. В рамках симпозиума были выработаны основные понятия в исследованиях обществ охотников-собирателей, определены базовые направления их изучения [Man the Hunter ... , 1968].

Основным постулатом в изучении обществ охотников-собирателей определено, что их большая вариабельность зависит от климатических условий территории обитания. Природное окружение формирует определенные системы управления и использования ресурсов и окружающей среды как адапционный отклик, влияет на структуры питания, здоровье, продолжительность жизни, на социальные и гендерные отношения, на развитие технологий, определяет формы социальных структур [Cambridge Encyclopedia ... , 2005; The Oxford Handbook ... , 2014].

В более расширенном варианте концепции исследований Hunter-Gatherers or forager Society построены на следующих положениях: 1) культура – это внегенетические средства приспособления индивидов и групп внутри экологических ценозов [Binford, 1968]²; 2) культурные изменения связаны с изменениями адаптивных стратегий, обусловленных прежде всего изменениями внешней среды (климат, ландшафты, ресурсы и т. д.); 3) адаптация всегда являлась результатом выхода из равновесия в местной экосистеме [Binford, 1968], отсюда возможности мультилинейного развития, «выпадения» тех или иных стадий развития; 4) достаточно длительный временной промежуток, в течение которого сохраняется равновесие культурной системы

² Проблему культуры как адаптационной системы в это время в СССР разрабатывал Э. С. Маркарян [1969, 1972, 1973, 1983].

и происходят эволюционные изменения в соответствии с макроэволюционным ходом развития культур, может быть определен как стадия, этап и соотношен с археологической периодизационной шкалой; 5) между стадиями, этапами, периодами существуют переходы, которые определяются по изменениям, захватывающим все части и элементы культурной системы; 6) переходы могут быть внезапными, скачкообразными («неолитическая» и «городская» революции В. Г. Чайлда) или постепенными (так называемые переходные периоды); 7) скачкообразные, резкие переходы могут быть обусловлены «драматическими» [Binford, 1968] и/или катастрофическими изменениями природной среды, или внутренними причинами внезапного нарушения равновесия социума.

Становление неэволюционистских подходов в смысловом поле их идентификации в рамках эволюционизма обуславливало разные точки зрения на содержание и значение мезолита. Например, мезолит есть продолжение палеолитического способа жизни, или же мезолит с его микролитами и утерей графического искусства являет собой разрыв исторической непрерывности [Binford, 1968].

Но доминанта неэволюционизма окончательно сформировала понимание, что изменения в культурных остатках в начале голоцена произошли в результате изменения экологической обстановки, т. е. это «адаптация к ухудшившимся климатическим и другим природным условиям» [Клейн, 2000]. Основные признаки такой адаптации описаны в обзоре Л. Бинфорда [1968], где суммированы отличия палеолита от мезолита с точки зрения, как характеризовал Л. Бинфорд, экологического детерминизма:

1. Климатические изменения, сопровождающиеся сменой ландшафтов и фауны, привели к демографическому спаду и развалу верхнепалеолитических культур.

2. Произошли изменения в форме и наборе орудий – появились геометрические микролиты, лук и стрелы.

3. Формируется большое разнообразие культур со своими реакциями на местные условия (культурное разнообразие на границе плейстоцена – голоцена некоторые исследователи обозначают как «голоценовый взрыв» [Giacobbe]).

4. Произошли изменения в эксплуатации пищевых ресурсов: активно использовались акваресурсы – появились новые виды хозяйствования, такие как рыболовство, морской промысел; охотничий промысел расширяется за счет охоты на мелкую дичь, птицу.

5. Селекция или domestикация растений и животных, появившиеся в это время в отдельных районах Азии, и связанные с ними поселения-протогорода есть результат местных адаптаций.

6. По сравнению с палеолитом мезолит представляет культурное вырождение в связи с утерей графического искусства, а также в связи с меньшим социальным престижем рыболовства по сравнению с охотой на северного оленя.

7. Ухудшение климата провоцировало в эпоху мезолита миграции населения и формирование новых общественных контактов; некоторые исследо-

ватели указывали, что быстрая диффузия культурных элементов является характерной чертой культур начала постплейстоцена.

Таким образом, в рамках неозволюционизма сущность и содержание мезолита в археологической литературе определены следующими основными позициями:

1. К мезолиту³ были отнесены культуры раннего голоцена (или начала постплейстоцена), в основе экономики которых лежал так называемый присваивающий тип хозяйства, т. е. охота, рыболовство, собирательство; культуры этого возраста с так называемым производящим типом хозяйства (земледелие и отчасти скотоводство) обозначались как культуры более «прогрессивного» этапа развития – неолита (докерамический неолит).

2. Считается, что переход к мезолиту с его присваивающим типом хозяйства происходил постепенно, плавно, в ряде случаев можно проследить палеолитические корни мезолитических культур. Переход же к докерамическому неолиту с производящим типом хозяйства представлялся внезапным, скачкообразным и обозначен как «неолитическая революция».

3. Мезолитические культуры есть реакция на ухудшение природной обстановки, которая привела к некоторой культурной деградации, а также к изменениям в эксплуатации, в первую очередь, пищевых ресурсов. Это привело к изменениям в орудийном наборе – микролитизация, появление новых форм орудий – лука, стрел, рыболовных принадлежностей.

Мезолит в отечественной археологии. В поисках идентификации

В отечественной (русской, а до 1991 г. – советской) археологии до 1950-х гг. так называемой мезолитической проблемы практически не существовало, т. е. не дискутировались проблемы выделения мезолита как особого периода, признаков мезолитических культур, причины появления мезолитических особенностей в культурах. Переходный, промежуточный этап от палеолита к неолиту воспринимался как существующая данность [Равдоникас, 1939, с. 251–252]. Поэтому зачастую шел процесс соотнесения тех или иных культур с азильской, свидерской, тарденуазской стадиями европейской шкалы [Дебец, 1936; Воеводский, 1934, 1940; Ефименко, 1938], поскольку именно эта синстадиальность и синхронизация являлись основой для определения места культур в общей тенденции развития.

Эта ситуация была обусловлена прежде всего господствующей с конца 1920-х гг. в отечественной археологии исследовательской традицией стадиялизма [Лебедев, 1992, с. 428–432]. Она сформировалась на основе марксизма, а базой явилась «яфетическая теория» Марра [Клейн, 1993, с. 21]. Эту традицию, с одной стороны, можно определить как наиболее рафинированное выражение классического эволюционизма, в рамках которого развитие культур

³ Следует отметить, что традиционное следование эволюционистской археологической периодизации и выделение мезолита как отдельного периода в развитии древних культур характерны для европейской археологической традиции, к которой можно отнести и российскую археологию.

рассматривается как гомотаксиальный процесс, т. е. культуры, находившиеся на близких или сопоставимых уровнях развития, имели сходные экономические, политические и социальные институты [Добролюбская, 2002] и основными факторами их развития являлись автохтонность и синстадиальность; с другой стороны – как основу для дальнейшего развития неоэволюционистских построений: комплексный подход в исследованиях, социокультурные и экономические реконструктивные построения, концепция скачков или революций [Лебедев, 1992, с. 428–432; Свешникова, 2006].

В рамках стадиальной традиции археологическая периодизация имела подчиненное положение и соотносилась с основной периодизацией первобытной истории – стадиями развития общества по Моргану – Энгельсу. Мезолит в такой системе синхронизировался с высшей ступенью дикости [Свешникова, 2006, с. 73–74] или с завершающей стадией «тотемического» общества в процессе его перехода к «анимистическому» или родовому обществу и отражал революционную ломку развития древних обществ [Толстов, 1931]. Концептуально сущность мезолита выражена в «отрицании верхнепалеолитического общества» [Там же, с. 90]. Характерным для мезолита является «резкая дифференциация культурных типов», которая происходит по «узким экологическим ярусам» [Там же, с. 98], т. е. природные условия влияют на темпы развития, обуславливая различные способы производства. Индустрии формируются в двух руслах – микро- и макролитическом.

В такой ситуации было не особенно важным археологическое обозначение этого этапа – эпипалеолит или мезолит, поскольку фактически они являлись равнозначными эквивалентами одной и той же стадии развития, хотя первый термин был более употребителен [Ефименко, 1938; Воеводский, 1934, 1940; Равдоникас, 1939; Рудинский, 1928]. Как отметил П. П. Ефименко в 3-м издании «Первобытного общества», «термин мезолит (мезолитическое время) в первобытной археологии Европы является по существу почти равнозначным с термином эпипалеолит» [Ефименко, 1953, с. 637].

Точку отсчета в изучении мезолита как полноправного археологического периода развития древних культур в отечественной археологии связывают с публикацией посмертной статьи М. В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы» [1950]. В этой работе появляются понятия «культурная область», «мезолитические культуры». К сожалению, так и не была опубликована рукопись монографии М. В. Воеводского «Палеолит и мезолит СССР», о которой упоминала М. Е. Фосс в некрологе М. В. Воеводскому [Фосс, 1949, с. 105]. Можно только предположить, что в монографии идеи М. В. Воеводского были детально обоснованы, поскольку они, в какой-то мере, являлись отражением формирования новых тенденций в отечественной традиции археологических исследований, которые были озвучены А. Н. Рогачевым как конкретно-исторический подход [Васильев, 2008, с. 98–129; Свешникова, 2006, с. 75]. В нем, как представлялось, отражалось отрицание стадиализма. Основным положением этого подхода или новой исследовательской традиции было признание существования разных культур, для которых может отсутствовать синстадиальность и синхронность. Тем самым была

принята, в общем-то, неозволюционистская многолинейность развития древних сообществ, в реализации которой автохтонные и миграционные факторы выступали равноценными.

Продолжателем идей и подходов М. В. Воеводского в 1950-е гг. в какой-то мере выступил А. А. Формозов [Воеводский, Формозов, 1950; Формозов 1953, 1954, 1954а, 1959а], когда он опубликовал серию работ по мезолиту, в том числе монографию «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке» [1959б]. Отдельная глава в последней книге посвящена мезолиту, где устанавливается многообразие – «мозаика» [Там же, с. 81] мезолитических культур в рамках трех культурных общностей.

Осознание проблем мезолита как особого этапа развития древних культур в отечественной археологии в 1950-е гг. было в какой-то мере спровоцировано формированием неозволюционистских концепций в западной антропологии с их многолинейностью, астадиальностью, асинхронностью, скачками в развитии, а также вызвано результатами работ в Передней Азии и открытием культур так называемого докерамического неолита с его производящим типом хозяйства и идеями В. Г. Чайлда о «революциях» в развитии древних культур [Лынша, 2001]. Оно же и выражало общие тенденции необходимости упорядочения понятийно-терминологического аппарата и, возможно, имплицитной потребности отрицания стадиялизма.

Это способствовало тому, что со второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской археологии, если можно так выразиться, начался «мезолитический бум». Ситуацию, которая сложилась к этому времени с изучением мезолитических культур, охарактеризовал А. Я. Брюсов в статье «Мезолитическая неурядица» [1962]. В ней он отмечает наличие довольно большого пробела в изучении финальноплейстоценовых и постплейстоценовых культур на территории СССР.

В 1962 г. состоялось совещание, на котором впервые детально обсуждались проблемы мезолита. Результаты совещания опубликованы в 1966 г. в специальном выпуске серии «Материалов и исследований по археологии СССР» (МИА) [У истоков древних культур ... , 1966]. На совещании четко размежевались взгляды на постплейстоценовые культуры. Одни исследователи не видели необходимости в выделении мезолита как отдельного периода и предлагали использовать вместо термина «мезолит» термины «эпипалеолит», «голоценовый палеолит» [см. подробнее: Формозов, 1970]. Другие считали, что выделение мезолита как отдельного, особенного периода в развитии древних культур достаточно правомерно. Дискуссии о содержании мезолита и его хронологических рамках есть выражение разных эволюционистских подходов, направлений, концепций. Тем не менее основным результатом этого совещания было признание существования мезолита как полноценного периода в развитии культур древних сообществ. Причины появления и критерии выделения мезолита в какой-то мере являлись продолжением стадиялистской традиции исследований [Равдоникас, 1939]. Например, появление мезолитических культур было обусловлено «резкими геологическими изменениями» [У истоков древних культур ... , 1966, с. 5] на рубеже плейстоцена

и голоцена, которые привели к появлению новых форм хозяйств и типов индустрий. Но в новой концепции важными факторами развития культур этого периода являются миграции – появление возможностей для освоения новых территорий и конкретные локальные адаптации, где новые формы хозяйств и типов индустрий соответствуют определенным природным условиям, что создавало «предпосылки своеобразного пути развития отдельных племен» [Там же].

Помимо противостояния мезолитических и антимезолитических взглядов сформировались и разные подходы к пониманию мезолита. Их можно разделить на две большие группы в соответствии с подходами к периодизации, предложенными Г. Мюллером-Карпе [Клейн, 2000]. Первый подход назван изофеноменологическим, поскольку его использование предполагает объединение явлений одного культурного порядка. Второй подход – изохронологическим, где объединяются явления, имеющие одинаковый возраст, – синхронные.

Изофеноменологические подходы в выделении мезолита можно разделить на два блока. Один из них был назван историческим [Формозов, 1970, с. 10] или культурно-историческим [Археология СССР. Мезолит ... , 1989, с. 6]. Как писал А. А. Формозов, археологическая «периодизация отражает не только типологическую эволюцию орудий..., но и изменения в формах хозяйства, социального строя и т. п. Значит, это – периодизация историческая, а не формально-типологическая» [Формозов, 1970, с. 10]. Хотя он и отмечает, что нет полного соответствия типологических и социологических изменений, поскольку материальная культура отражает эволюцию хозяйства и общества с некоторым запозданием. Второй блок составляют подходы, которые можно определить как «технологические». Эти подходы стоят за «чистоту» археологической периодизации, в основу которой, как и в классической периодизации Томсена, должны быть положены только технологические критерии [Вишняцкий, 1989; Лынша, 1978, 1980, 1991; Питулько, 1998]. Более детально они будут рассмотрены в других разделах.

Изохронологический подход часто называют хронологическим [Археология СССР. Мезолит ... , 1989, с. 6]. При этом подходе мезолит жестко привязывается к определенным климато-стратиграфическим временным рамкам: «Важнейшие переломы в развитии природной среды голоцена близко совпадают с основными этапами мезо- и неолитической истории Европы, проявляясь в первую очередь в изменении хозяйственной деятельности первобытных племен» [Долуханов, Хотинский, 1974, с. 213]. Начало мезолита синхронизируют с одним из основных рубежей голоцена – позднепоследнеледниковой границей около 10 тыс. л. н., когда в результате потепления климата в большинстве районов Европы происходили резкая деградация перигляциального комплекса и консолидация основных ландшафтных зон. С точки зрения хронологического подхода мезолит рассматривается как переходный период, во время которого происходило приспособление человека к более дифференцированной структуре природных ландшафтов [Там же, 1974, с. 211–212].

Первое мезолитическое совещание фактически обосновало и утвердило мезолит как закономерный этап в развитии древних культур во всем их со-

циокультурном и адаптационном разнообразии. Второе совещание, материалы которого опубликованы также в отдельном сборнике [Памятники эпохи мезолита ... , 1977], состоялось в Ленинграде в декабре 1974 г. В рамках его мезолит априорно рассматривался как отдельный, самостоятельный этап археологической периодизации, поэтому уже не возникало дискуссий о проблемах и возможности его выделения, а были подведены итоги изучению мезолитических культур на территории СССР. Как отмечено в предисловии к сборнику, помимо рассмотрения традиционных вопросов мезолита «о сущности и хронологических рамках мезолитической эпохи, взаимоотношении человека и среды, установлении причин, вызывающих различия мезолитических индустрий», необходимо основное внимание уделять типологии индустрий мезолитических культур [Там же, 1977, с. 3].

Повышение интереса в советской археологии к мезолитической проблеме в 1950–1960-х гг. сыграло положительную роль, поскольку в 1960–1980-е гг. интенсифицировались исследования археологических объектов и культур финала плейстоцена – раннего голоцена. В этот период опубликовано большое количество работ по различным проблемам мезолита, в том числе и ряд монографий по мезолиту и мезолитическим культурам различных территорий Советского Союза. Результаты многочисленных исследований по состоянию на 1985 г. обобщены в теме «Мезолит» многотомной серии «Археология СССР» [1989], в котором как бы подведены итоги неозволюционистской конкретно-исторической традиции исследований мезолита. В этой работе представлена преобладающая в советской археологии точка зрения на мезолит, выраженная одним из ведущих в то время российских исследователей мезолита Л. В. Кольцовым. Он пишет, что правильным было бы объединение культурно-исторического и хронологического подходов в определении мезолита, и предлагает следующее определение мезолита: «Мезолит – это раннеголоценовая эпоха каменного века, характеризующаяся особыми чертами адаптации человека к природной среде, определяющимися всесторонним и дифференцированным развитием присваивающего хозяйства, которое выражается в наибольшем развитии микролитизации в каменном инвентаре, усовершенствовании экономики применительно к способам присваивающего хозяйства, создающем предпосылки для получения впоследствии избыточного продукта, дроблением социальных коллективов при подвижном образе жизни» [Археология СССР. Мезолит ... , 1989, с. 6].

Заключение

Проведенный анализ мезолитической проблемы в советской археологии показал, что поиск идентификации сущности мезолита происходил в рамках двух вроде бы разных исследовательских установок, обозначенных в российской историографической практике как стадиялизм и конкретно-исторический подход, а нами определенных как исследовательские традиции. Фактически же раскрытие понятия «мезолит» проведено по практически идентичным характеристикам. Это хорошо видно в сравнительной таблице.

Таблица

Сравнительные характеристики мезолита в рамках разных традиций исследований в отечественной археологии

Характеристика мезолита	Эволюционизм: стадиалистская традиция исследований [Ефименко, 1938, с. 593–636; Равдоникас, 1939 с. 249–272; Свешникова, 2006; с. 74; Толстов, 1931]	Неоэволюционизм: конкретно-историческая традиция исследований [Археология СССР. Мезолит ... , 1989, с. 5–6; У истоков древних культур ... , 1966, с. 5–8]
1. Причины появления	Адаптация к климатическим изменениям на рубеже плейстоцена – голоцена	Адаптация к резким климатическим изменениям на рубеже плейстоцена – голоцена
2. Сущность	Промежуточный, переходный этап между палеолитом и неолитом	Промежуточное положение между палеолитом и неолитом
3. Материальная культура	<p>Появление лука, стрел, гарпунов. Сочетание микролитического и макролитического типов индустрий. Геометрические микролиты, вкладышевые и рубящие орудия</p> <p>Гальки с узорами (типа чуринг). Стилизованный характер наскальных изображений.</p> <p>Небольшие стоянки-стойбища малых групп охотников-собирателей; кратковременные жилища типа шалашей</p>	<p>Появление лука. Сочетание микролитического и макролитического типов индустрий. Развитие производства призматических пластин, включая микропластины, орудий на них, микролитов, микрорезцов, наконечников, рубящих орудий. Распространение шлифовки, сверления, пиления. Костяная индустрия; гарпуны, наконечники, вкладышевые обоймы, кинжалы, ножи, топоры и тесла, муфты.</p> <p>Лодки, сети, верши.</p> <p>Схематизм наскальных рисунков, геометрические узоры, мелкая антропо- и зооморфная пластика.</p> <p>Временные сезонные поселения, временные постройки: чум, шалаш</p>
5. Особенности социальных форм	<p>Матриархальный родовой строй или переход к родовой общине. Семейные общины. Небольшие производственные общины подвижных охотников. Появление родовых кладбищ</p>	<p>Переход от родовой к семейной общине, рост населения, дробление крупных социальных единиц. Дробные социальные коллективы, подвижный образ жизни</p>
6. Хронология	Начало голоцена	Раннеголоценовый возраст большинства мезолитических культур
7. Историко-культурные особенности	Соответствует стадии дикости, ее заключительной высшей ступени. Культурная дифференциация по «экологическим ярусам». Автохтонность, синстадиальность в развитии культур	Культурное разнообразие, выраженное в большом количестве археологических культур. Их социокультурные особенности обусловлены занимаемой экологической нишей. Миграции и автохтонность, темпоральная дифференция культурного развития

Окончание табл.

4. Основные экономические признаки	Охота на нестатных животных. Рыболовство. Усложненное собирательство. Первая domestикация – одомашнивание собак	Охота: объекты охоты зависят от экологической ниши, специальная охота на птиц. Целенаправленное рыболовство. Усложненное собирательство в зависимости от экологической ниши. Первая domestикация – приручение собак
------------------------------------	--	--

Различия между этими традициями исследования заключаются в том, что в неозволюционистской концепции признавались роль миграционных факторов и наличие некоторой темпоральной дифференциации в развитии мезолитических культур. Но все же с каждой традицией исследований связана определенная мифологема мезолита. В эволюционистской, стадиалистской, концепции мезолит отождествляется прежде всего с микролитизацией в виде геометрических форм; в неозволюционистской, конкретно-исторической, концепции главным постулатом мезолита является смена объектов охоты и появление рыболовства как определенных форм адаптации к резким климатическим изменениям на рубеже плейстоцена – голоцена. Фактически эти мифологемы, как показал сравнительный анализ, несмотря на то что содержание мезолита в разных традициях исследования почти идентичное, отражают аксиологическое смещение значимости тех или иных признаков для выявления сущности мезолита.

Однако очень сложно четко отделять позиции в исследованиях культур в рамках классического эволюционизма от неозволюционистских представлений, так же как и последние от постнеозволюционистских, поскольку их основные положения и тенденции всегда зарождаются в рамках предыдущей парадигмы и традиций исследований и сосуществуют довольно длительное время. Яркими примерами этому являются и неозволюционистская концепция постплейстоценовой адаптации Л. Бинфорда [Binford, 1968], в которой обобщены и суммированы достижения эволюционизма в этой области, и обе традиции (стадиалистская и конкретно-историческая) отечественной археологии в области исследований мезолита. Осознание такого положения в рефлексии научного процесса необходимо, чтобы избегать ситуации «изобретения велосипеда».

Список литературы

Археология СССР. Мезолит СССР / отв. ред. Л. В. Кольцов. – М. : Наука, 1989. – 351 с.

Бердникова Н. Е. Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири. Геоархеологические сюжеты / Н. Е. Бердникова // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М. : ИА РАН, 2012. – С. 103–122.

Брюсов А. Я. Мезолитическая неурядица / А. Я. Брюсов // Историко-археологический сборник: К 60-летию со дня рожд. и к 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности А. В. Арциховского. – М. : Изд-во МГУ, 1962. – С. 24–30.

- Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых / С. А. Васильев. – СПб. : ИИМК РАН, 2008. – 179 с.
- Вишняцкий Л. Б.* Рец. : Zvelibil M. (Ed.). Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming. Cambridge Univ. Press, 1986 / Л. Б. Вишняцкий // СА. – 1989. – № 4. – С. 277–284.
- Воеводский М. В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы / М. В. Воеводский // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. – 1934. – Вып. 5. – С. 230–245.
- Воеводский М. В.* К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе / М. В. Воеводский // СА. – 1940. – № 5. – С. 144–150.
- Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // КСИИМК. – 1950. – № 31. – С. 96–120.
- Воеводский М. В.* Стоянка Песочный ров на реке Десне: к вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы / М. В. Воеводский, А. А. Формозов // КСИИМК. – 1950. – Вып. 35. – С. 42–54.
- Дебец Г. Ф.* Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму / Г. Ф. Дебец // Антропол. журн. – 1936. – № 2. – С. 144–165.
- Добролюбская Ю. А.* Становление культурно-антропологической парадигмы в современной археологии [Электронный ресурс] / Ю. А. Добролюбская // Credo new. – URL: <http://credonew.ru/content/view/349/55/>.
- Долуханов П. М.* Палеогеографические рубежи голоцена и мезо-неолитическая история Европы / П. М. Долуханов, Н. А. Хотинский // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М. : Ин-т географии АН СССР, 1974. – С. 211–216.
- Ефименко П. П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени / П. П. Ефименко. – Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 636 с.
- Ефименко П. П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени / П. П. Ефименко. – Киев : Изд-во АН Укр. ССР, 1953. – 664 с.
- Клейн Л. С.* Феномен советской археологии / Л. С. Клейн. – СПб. : Фарн, 1993. – 128 с.
- Клейн Л. С.* Археологическая периодизация: подходы и критерии / Л. С. Клейн // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 485–515.
- Клейн Л. С.* Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада) / Л. С. Клейн. – Донецк : Донец. национ. ун-т, 2009. – 393 с.
- Косарева Л. М.* Модель развития научного знания Ларри Лаудана / Л. М. Косарева, А. А. Али-Заде // ВФ. – 1986. – № 5. – С. 118–126.
- Колчинский Э. И.* Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки) / Э. И. Колчинский. – СПб. : Наука, 2002. – 554 с.
- Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2003. – 608 с.
- Лаудан Л.* Наука и ценности [Электронный ресурс] / Л. Лаудан // Б-ка учеб. и науч. лит. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/laudan_naukaiznennosti.
- Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1770–1971 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.
- Лыньша В. А.* Мезолит – понятие археологической периодизации / В. А. Лыньша // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск : ИГУ, 1978. – С. 93–96.
- Лыньша В. А.* Мезолит юга Средней Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Лыньша. – Л., 1980. – 16 с.
- Лыньша В. А.* Понятие мезолита в современной археологии / В. А. Лыньша // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1991. – С. 3–20.

- Лышца В. А.* Гордон Чайлд и американский неозволюционизм / В. А. Лышца // ЭО. – 2001. – № 5. – С. 3–17.
- Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван : Изд-во Акад. наук Армян. ССР, 1969. – 228 с.
- Маркарян Э. С.* Вопросы системного исследования общества / Э. С. Маркарян. – М. : Знание, 1972. – 62 с.
- Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван : Изд-во Акад. наук Армян. ССР, 1973. – 173 с.
- Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ) / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы: Каменный век / А. Л. Монгайт. – М. : Наука, 1973. – 256 с.
- О мезолите – в который раз?... / Г. И. Медведев, Е. А. Липнина, В. М. Новосельцева, П. Е. Шмыгун // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2000. – С. 69–81.*
- Памятники эпохи мезолита // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – 128 с.*
- Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, К. Г. Леви, А. В. Аржанникова, Н. А. Савельев // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск : РПЦ Радиан, 2005. – С. 15–25.*
- Проблема научной рациональности. Исторические типы научной рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая наука // Философия науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://filnauk.ru/filosofiya-nauki-dlya-studentov/396-problema-nauchnoj-racionalnosti-istoricheskie-tipy.html>.*
- Равдоникас В. И.* История первобытного общества / В. И. Равдоникас. – Л. : Изд-во Ленигр. гос. ун-та, 1939. – Ч. 1. – 286 с.
- Реале Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4: От романтизма до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери. – СПб. : Петрополис, 1997. – 880 с.
- Рудинский М. Я.* До питання про культури мезолітичної доби на Україні / М. Я. Рудинський // Антропологія. – 1928. – № 1. – С. 11–29.
- Свешникова О. С.* Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук / О. С. Свешникова. – Омск, 2006. – 212 с.
- Теория и методология истории / В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград : Учитель, 2014. – 504 с.*
- Толстов С. П.* Проблемы родового общества / С. П. Толстов // СЭ. – 1931. – № 3/4. – С. 69–103.
- У истоков древних культур (эпоха мезолита) / отв. ред. Н. Н. Гурина // МИА. – 1966. – № 126. – 240 с.*
- Формозов А. А.* Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита / А. А. Формозов // СЭ. – 1953. – № 1. – С. 168–172.
- Формозов А. А.* Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Формозов. – М., 1954а. – 16 с.
- Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР / А. А. Формозов // СА. – 1954б. – Т. 21. – С. 38–51.
- Формозов А. А.* Микролитические памятники Азиатской части СССР / А. А. Формозов // СА. – 1959а. – № 2. – С. 47–59.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке / А. А. Формозов. – М. : Изд-во АН СССР, 1959б. – 127 с.
- Формозов А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах / А. А. Формозов // СА. – № 3. – 1970. – С. 6–11.

Фосс М. Е. М. В. Воеводский (1903–1948) / М. Е. Фосс // КСИИМК. – 1949. – № 25. – С. 103–105.

Шишова Ю. Л. Лингвистическая объективация мифологемы пути в современной англоязычной литературе : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Л. Шишова. – СПб., 2002. – 215 с.

Binford L. R. Archaeology as Anthropology / L. R. Binford // American Antiquity. – 1962. – Vol. 28, N 2. – P. 217–225.

Binford L. R. Post-Pleistocene adaptations / L. R. Binford // New Perspectives in archaeology. – Chicago : Aldine Transaction, 1968. – P. 313–341.

Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers / ed. by R. B. Lee, R. Daly. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 495 p.

Giacobbe J. The Current Role of Evolutionary Theory in Archaeological Thought. The Naked Science Society [Electronic resource]. – URL : <http://www.nakedscience.org/evol1.htm>.

Man the Hunter / ed. by R. B. Lee, I. De Vore. – Chicago : Aldine Transaction, 1968. – 415 p.

The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers / ed. by V. Cummings, P. Jordan, M. Zvevibel. – Oxford : Oxford University Press 2014. – 1264 p.

Mesolithic as a Research Tradition. Part 1. In Search of Identification

N. E. Berdnikova

Abstract. We consider the development problem of notion «Mesolithic» and the formation of the Mesolithic branch in the Russian archaeological research. We have identified the general dynamical transformation in the scientific rationality (evolutionism, neo-evolutionism). Searching of identification essence of the notion «Mesolithic» comes in two seemingly different research approaches that are identified as stadial concept and concrete-historical approach in the Russian historiographical practice, and we have defined it as research traditions. Every tradition of research is associated with specific Mesolithic mythologeme. In evolutionary – stadial concept, Mesolithic is identified with the microlitization as geometric microliths; in neo-evolutionism – concrete-historical concept, the main feature is the changing of hunting objects and the emergence of fishing as the adaptation forms to abrupt climate changes at the boundary of the Pleistocene-Holocene. Neo-evolutionary concept recognizes the role of migration factors and the presence of a temporal differentiation in the development of Mesolithic cultures. Comparative analysis showed that the content and features of the Mesolithic in different research traditions are almost identical, and it is only reflected axiological shift of significance of certain signs to identify the nature of the Mesolithic.

Keywords: Mesolithic, traditions research, evolutionism, neo-evolutionism, stadialism specifically historical approach.

Бердникова Наталья Евгеньевна

научный сотрудник

научно-исследовательский центр

«Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

e-mail: nberd@yandex.ru

Berdnikova Natalia Evgen'evna

Researcher

Scientific Research Center «Baikal region»

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003

e-mail: nberd@yandex.ru